
ОБРАЗОВАНИЕ И РУССКИЙ ЯЗЫК

Год русского языка

*В. А. Козырев,
профессор кафедры русского языка
В. Д. Черняк,
заведующая кафедрой русского языка*

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНТА: КУЛЬТУРНАЯ ГРАМОТНОСТЬ

Языковое сознание — величина, которая по мере накопления речевого опыта постоянно развивается и может выступать как «предмет воспитания». Современная жизнь дает богатый материал для размышлений над тем, какое влияние на формирование личности, на ее поведение, в том числе поведение речевое, оказывает круг читаемых и изучаемых текстов.

Место текстов в коллективном национальном сознании, их перемещение в коллективной памяти с центра на периферию и наоборот, их взаимодействие друг с другом является важнейшей лингвокультурной проблемой, которая с неизбежностью перерастает в проблему педагогическую. Понимание языковой среды естественно связывается с тем местом, которое занимает в современном обществе книга и — шире — письменный текст. Круг читаемых и изучаемых текстов оказывает большое влияние на формирование личности. В процессе чтения мы аккумулируем тексты, фрагменты текстов, фраз, оборотов, словосочетаний. Создаваемые нами тексты — лишь результат декомпозиции усвоенных текстов. Количество и качество прочитанных текстов, степень начитанности — важнейшая характеристика языковой личности.

Между тем уже более десятилетия для школы издаются в пересказе (причем огромными тиражами) шедевры мировой и, что особенно прискорбно, русской литературы. В этой ситуации формируемая языковая личность перестает соприкасаться со словом великих, воспринимая его в пересказе ремесленников, вследствие чего оказывается отторгнутой от языка великих носителей русского слова, авторов прошлого и настоящего. Здесь уместно привести примеры из олимпиадных работ и вступительных сочинений абитуриентов 2006 г.: *Лев Толстой был простым крестьянином; В. Маяковский написал поэму «Двенадцать»; герой «Судьбы человека» М. Шолохова — А. Мересьев, который из-за войны не смог ходить; повесть «А зори здесь тихие» написал Некрасов; М. Ю. Лермонтов написал стихотворение «Кавказ», в котором идет нагнетание ощущения ограниченной свободы из-за окружающих гор.*

Смещение культурных ценностей, изменение традиционного круга чтения ведет к тому, что многие «хрестоматийные цитаты» («времен очаковских и покоренья Крыма», «герой нашего времени», «борзыми щенками брать», «на деревню дедушке», «кудри черные до плеч», «да был ли мальчик-то» и многие другие), часто используемые современными средствами массовой информации в качестве прецедентных текстов, далеко не всегда воспринимаются современной языковой личностью как таковые.

Размышляя о падении гуманитарной культуры и о школьном преподавании отечественной словесности, С. Г. Ильенко пишет: «Прочитанное, прочувствованное и осмысленное создание творца должно быть усвоено (а лучше — духовно присвоено) читающими потомками. Увы, читающих потомков становится все меньше и меньше. И ситуация в этом отношении в последние годы не улучшается, несмотря на появление новых интересных учебников по литературе. Более того, наша терпимость к пошлости и нравственной безответственности делает возмож-

ным появление многочисленных изданий, способствующих воспроизведению этой самой «пошлости и нравственной безответственности»¹.

Результаты анкетирования десятиклассников свидетельствуют о печальном факте: десятки имен, создающих многомерное поле культуры, для сегодняшних школьников — завтрашних студентов — не значат ничего, поскольку они им просто не знакомы. Разрастается трещина, связанная с взаимопониманием поколений. Это не может не сказаться на способности общаться, вести конструктивный диалог, приводит к коммуникативным неудачам или искаженному восприятию информации.

Актуальным для современных образовательных стратегий представляется понятие культурной грамотности, предложенное американским культурологом Э. Д. Хиршем в контексте анализа американской системы образования. Культурная грамотность, связанная с объемом информации, которой владеет человек, позволяет ему находиться в гармонии с окружающим миром. Словарь культурной грамотности, составленный по модели, предложенной Э. Хиршем, и адаптированный к русской культурной среде, включает 5 000 понятий. Выявлено три уровня культурной грамотности: первый уровень включает в себя основные естественнонаучные понятия, интернациональные понятия из мировой истории и культуры; второй уровень культурной грамотности составляют понятия, принадлежащие исторической памяти народа (этнокультурные понятия, топонимы, разного рода высказывания), к этому уровню относятся также имена реальных персонажей отечественной истории, литературных героев с их высказываниями; третий уровень составляют понятия новейшей истории, известные носителям языка конкретной страны или региона. В соответствии с приведенной выше классификацией в словарь отобраны понятия, которые должен знать (или хотя бы — при минимальном уровне культурной грамотности — иметь о них представление) современный носитель языка. Приблизительными аналогами понятия «культурная грамотность» в русском языке могут служить слова «кругозор» или «начитанность».

Культурная грамотность, включающая в себя знания из разных сфер человеческой деятельности, позволяет субъекту, получившему информацию от собеседника или из масс-медиа, понять ее адекватно, проникнуть в ее контекст, сделать соответствующие выводы и выработать собственную точку зрения. Приведем выразительный пример, представляющий эксплицированную в тексте лингвокультурную информацию, для восприятия которой должны быть актуализированы разные уровни культурной грамотности.

Но главная и любимейшая их тема — их новое Священное Писание — изящная словесность, литература. Иностранцу нелегко бывает понять и оценить эту часть разговорного культа, потому что он, как правило, не знает в нужной мере священных текстов. Он только может понять, что вот сейчас цитата из святого Лермонтова, а теперь другому собеседнику удалось несколькими строчками святого Пушкина зачеркнуть целую главу из святого Чехова. Не всегда понимаешь, о ком идет речь, потому что главных святых принято называть не по фамилии, а по имени-отчеству — Лев Николаевич, Николай Васильевич, Анна Андреевна, Михаил Афанасьевич. Впрочем, в каких-то ситуациях это может прозвучать панибратски и неуместно. Здесь есть масса тонкостей (Игорь Ефимов. Седьмая жена).

С проблемой культурной грамотности соотносятся две актуальные для современной языковой личности проблемы — проблема адекватного восприятия текстов классической литературы и проблема владения прецедентными текстами. Обе они связаны с кругом чтения современной языковой личности, с богатством ее тезауруса и лексикона (объем освоенных прецедентных текстов является важной составляющей тезауруса языковой личности).

Прецедентные тексты можно было бы назвать хрестоматийными: если даже они не входят в программы общеобразовательной школы, если даже их там не изучали, то все равно все говорящие так или иначе знают о них, прочитав ли их сами или хотя бы понаслышке. Таким образом, под прецедентным текстом подразумевается всякое крупное явление данной национальной культуры, которое известно и понятно абсолютному большинству ее носителей и отсылки к которому часто осуществляются в речи носителей.

¹ Ильенко С. Г. Феномен Грандисона и его противоядие (о недугах школьного обучения отечественной словесности) // Вестник Северо-Западного отделения Российской академии образования: Образование и культура Северо-Запада России. Вып. 4. СПб., 1999. С. 245.

Представляется принципиально важным то, что национальный корпус прецедентных текстов (в их число входят литературные произведения, тексты песен, рекламы, анекдоты и т. п.) является существенным элементом культурной грамотности.

Знание прецедентных текстов — это не просто требование элементарной образованности, но и необходимость, обусловленная потребностью в комфортном существовании личности в обществе.

Приведем некоторые примеры журнальных заголовков, адекватное восприятие которых предполагает необходимый уровень общей культуры (следует подчеркнуть, что апелляция к прецедентным текстам различных типов — излюбленный прием создания заголовков в современной публицистике).

Ночь, улица, фонарь, ипотека (Город. 2004. № 19).
Есть целый год между прошлым и будущим (Город. 2004. № 19).
Он большой. Его видней? (Город. 2004. № 19).
Как молоды вы, Билли (Город. 2004. № 19).
Нарисовал он на листке и подписал в уголке: «В. Войнович» (Город. 2004. № 19).
Чему не учат в школе (Город. 2004. № 19).
Ирония судьбы, или С легким паромом (Город. 2004. № 16).
Любовь еще быть может (Город. 2004. № 16).
Особенности национальной приватизации «Ленфильма» (Город. 2004. № 16).
Слушай «Ленинград, я тебя куплю» (Город. 2004. № 16).
Триумфальная марка (Город. 2004. № 16).
И ставил, и ставил им градусник (Город. 2004. № 17).
Муму в России больше, чем Муму (Город. 2004. № 17).
Эх вы, надменные потомки (Город. 2004. № 17).
Драма на охоте за зрителем (Город. 2004. № 17).
Мы рождены, чтоб фото сделать былью (Город. 2004. № 11).
Весна, оркестр торжествует (Город. 2004. № 11).
Арбитр не спешит, арбитр понимает (Город. 2004. № 11).
И в Думу высокое стремленье (Город. 2003. № 33).
Здесь агрорусский дух, здесь агрорусью пахнет (Город. 2004. № 11).
В тот год фиговая погода стояла долго на дворе (Город. 2004. № 11).
В Петербурге все должно быть прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и лужа (Город. 2004. № 11).
Вынесут все. Бесплатно, круглосуточно, анонимно (Город. 2004. № 11).
Что я такая дрожащая, если права имею (Город. 2004. № 11).
Любовь к отеческим сугробам (Город. 2004. № 2).
И гордый внук славян, и друг степей таджик (Город. 2004. № 10).
В ответе за тех, кого научили (Город. 2004. № 11).
Голландский сыр бывает только в российской мышеловке (Город. 2006. № 5).
Кому на Руси служить хорошо (Город. 2006. № 5).
Но не «саксофоном единым» живет Филармония (АиФ. 2002. № 23).
Много шума — и ничего... (АиФ. 2002. № 23).
На нет и судов нет (АиФ. 2002. № 23).
Раз надо — значит, в НАТО (АиФ. 2002. № 23).

Пародирование, вышучивание лозунгов, призывов, всем известных фраз — одно из средств выразительности, широко представленное не только в языке СМИ, но и в литературе последнего десятилетия. При этом авторы ориентируются (или должны ориентироваться) на игровое сотворчество читателя.

Необходимо учитывать, что сам набор прецедентных текстов меняется от поколения к поколению вследствие изменения круга чтения, появления новых выражений, забывания некоторых прежних и т. п. Это, разумеется, не содействует эффективности общения между представителями разных поколений.

Исследование тезауруса студентов и учащихся старших классов свидетельствует о том, что большое количество цитат, соотносимых с базовыми прецедентными текстами, являются для современной молодежи «безымянными» или вообще не распознаются в качестве цитат. Так, среди заданий, предложенных на олимпиаде по русскому языку среди студентов Санкт-Петербурга (олимпиада проводилась в РГПУ им. А. И. Герцена в 2004 и 2005 гг.), были задания на определение автора цитат в газетных заголовках и на установление канонического вида цитаты при ее трансформации в тексте. Именно они вызвали наибольшие трудности у студентов. Приведем примеры интерпретации газетных заголовков.

Коня на Е2 остановит. — В качестве источника называли «Кому на Руси жить хорошо». Некоторые утверждали, что это пословица, «автор народный».

Я бы в хакеры пошел... — Указывалось авторство С. Михалкова или С. Маршака.

Богат и славен Кажугет. — В качестве якобы исходной приводилась фраза «Богат и славен наш язык», приписываемая Далю.

Дистанция огромного размера. — Во многих работах цитата приписывается Радищеву.

В карете прошлого далеко не уедешь. — Очень редко цитату соотносили с пьесой Горького «На дне». Часто авторство не указывалось или отмечалось неверно: русская народная сказка, Гоголь, Белинский, Блок, Чехов.

Гений и злодейство — две вещи несовместные. — Регулярно встречалось указание на якобы исходную форму «Синтаксис и пунктуация — две вещи несовместные (?)». Иногда в качестве автора называли Маяковского.

Специальное изучение освоенности прецедентных текстов студентами свидетельствует о том, что по степени осознанности на первом месте оказываются цитаты из песен, кинофильмов, телевизионных передач, тогда как основной корпус базовых процентных текстов, которые хранятся в коллективной памяти общества, большей частью остается неосвоенным. Различия, основанные на разнице не только в прецедентных текстах, но и в речевой и общей культуре, могут не осознаваться участниками коммуникации, что приводит к непониманию или к неполному пониманию, т. е. к коммуникативной неудаче.

Отмечая низкий уровень культурной грамотности усредненной языковой личности, мы не можем не учитывать и объективные причины этого явления: коллективная память общества не выдерживает непрекращающегося роста, непомерного увеличения её объёма и вынуждена от чего-то избавляться, предавать забвению.

Авторы произведений современной массовой литературы чутко улавливают изменение уровня читательской компетенции, делают его объектом языковой рефлексии и, безусловно, учитывают в осуществлении диалога с массовым читателем. Основным источником широко используемых в речи цитат — это тот обязательный литературный минимум, который осваивается в школе, а также тексты различного происхождения, вступающие в «резонанс» с читателем. Современные авторы, используя разнообразные прецедентные феномены, как бы проверяют наличие этого «резонанса»:

— А гарантии? — влез Сергей Борисович. — Где гарантии, что завтра вы денежки у нас не тиснете? Вы же вон как моментально все... расколупали!

— А нету никаких гарантий! — радостно заявил Архипов. — Кроме слова регента и бывшего запевалы!

Этот запевала-регент, вылезший из памяти, как будто помог ему, подмигнул хитрым глазом за треснувшим стеклышком пенсне (*Т. Устинова. Пороки и их поклонники*).

Привет, это снова я, участковый уполномоченный капитан Игорь Дорошин. И снова меня совершенно не к месту потянуло на поэзию, потому что, когда я собирался объяснить, с чего началась вся эта история, *на память пришли известные еще из школьной программы строки классика: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда...»* [выделено нами. — В. К., В. Ч.]. Ну, моя работа, конечно, от поэтики весьма далека, она даже более чем прозаична, но все равно приходится иногда сталкиваться с тем, что, осмысливая конец истории, вспоминаешь, с чего она началась, и только диву даешься! И откуда что берется? (*А. Маринина. Пружина для мышеловки*).

Диалог с читателем нередко оказывается невозможным из-за существенных различий в уровне культуры. Именно поэтому в массовой литературе часто эксплуатируется самая примитивная часть корпуса прецедентных текстов, связанная, прежде всего, с массовой культурой. Оценивая ресурсы культурной памяти своих персонажей и осуществляя незамысловатый диалог с элементарно образованным читателем, авторы произведений массовой литературы как бы перелистывают «словарь культурной грамотности»:

На круглом столе высился двухкилограммовый торт, вернее, то, что от него осталось.

— Дары данайцев? — спросила я, ткнув пальцем в бисквитно-кремовые руины. — Борзой щенок от кого?

— Что? — не поняла Галя.

Девушка не только не знала легенды и мифы Древней Греции, она даже не читала Гоголя. Пришлось спросить о том же, но попроще (*Д. Донцова. Три мешка хитростей*).

Зачастую азбучные истины растолковываются в сносках, восполняя лакуны в тезаурусе необразованного читателя и внушая чувство самоуважения «знатоку». См.:

«Я шагнул в комнату и вновь ощутил приступ дурноты. Узкое, пеналообразное помещение напоминало комнату, в которой жил Раскольников». На имя дается сноска: «Родион Раскольников — главный герой романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» (Д. Донцова. *Инстинкт Бабы-яги*).

Приведем некоторые результаты эксперимента, направленные на выявление уровня культурной грамотности студентов. Студентам факультета менеджмента и экономики Санкт-Петербургского университета культуры и искусств были предложены слова из «Толкового словаря русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, связанные с мировой и европейской культурой. Требовалось дать объяснение предложенным словам. Приведем отдельные примеры из анкет.

Донкихот: герой испанской легенды; герой испанской книги, который путешествует по морям; литературный персонаж из произведения Хэмингуэя; воин, путешественник, мореплаватель; предводитель; путешественник, открывший и завоевавший множество земель; сказочный герой; он хотел создать ветряную мельницу.

Отелло: ревностный мужчина; герой из повести «Отелло и Дездемона», отличавшийся ревностью; имя героя романа «Отелло»; герой пьесы Шекспира «Гамлет»; герой романа В. Шекспира; Уильям Шекспир (автор), опера, в которой Отелло был главным героем.

Крестоносец: есть такой корабль «Крестоносец Потемкин» и рыцарь, который скачет на коне в обмундировании.

Марсельеза: испанский гимн; вальс; итальянское блюдо.

Пуританство: это такая вера, и есть такой народ — пуритане; вера, которую исповедуют католики.

Трубадур: герой из «Бременских музыкантов»; рабочий в литейных цехах; человек, который трубил на трубе перед выходом царей.

Лютеранство: поклонение дьяволу (Люциферу).

Очевидно, что лакуны в лексиконе, обусловленные низким уровнем культурной грамотности, могут явиться причиной коммуникативных неудач в процессе общения и имеют самые глубокие негативные последствия при получении образования. Именно поэтому особое значение имеет формирование потребности обращения к словарям и энциклопедиям, умений извлекать из них необходимую информацию. По нашему убеждению, эта работа ни в коем случае не должна перекладываться на плечи лишь преподавателей-филологов, поскольку отсутствие единого словарного запаса, обеспечивающего успешность коммуникации, или сбой в использовании его составляющих могут свести на нет самые серьезные проекты в сфере образования.

А. С. Роботова,
профессор кафедры педагогики

О ЯЗЫКЕ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

Состояние и уровень языка научных публикаций (имею в виду сферу гуманитарных наук, где для читателя это особенно очевидно) сегодня вызывает много вопросов. Остановлюсь на некоторых явлениях, которые делаются особенно заметными, когда анализируешь близкие своей специальности статьи, научные доклады, авторефераты, учебные пособия. Возможно, эти выводы покажутся субъективными... Может быть, автора сочтут ретроградом, противящимся новым тенденциям в развитии языка науки. Однако, по моему мнению, вовсе не нужно быть излишне пристрастным читателем, чтобы уви-

деть, что языковые процессы в науке сегодня происходят стихийно, неупорядоченно, даже агрессивно.

Мои выводы основаны в основном на анализе авторефератов диссертаций и педагогических публикаций, которые составили значительную часть домашней библиотеки. В какой связи становится актуальным вопрос о научной лексике и терминологии публикаций? Разумеется, когда оцениваешь исследование в целом, пишешь отзыв, рецензию, даешь устную оценку... При этом почти никогда речь не идет *специально о языке* как средстве выражения научных мыслей,